

Цзин Юаньци не удалось скрываться долго. Едва Ши Цин закончил фразу, как Гао Чжи, случайно обернувшись, обнаружил его присутствие.

Молодой ассистент, проработавший всего три дня, испуганно сглотнул:

— Брат Цзин?!

Цзин Юаньци бросил на него мимолётный взгляд, и Гао Чжи инстинктивно втянул голову в плечи, застыв на месте. Ему это показалось и странным, и пугающим: обычно этот актёр держался открыто и жизнерадостно, производя впечатление человека, с которым легко поладить, но от нынешнего взора мороз пробежал по коже.

Юноша никогда не тратил внимания на тех, кто не вызывал у него интереса, и мнение помощника его совершенно не волновало. Однако в глубине души он ощутил труднообъяснимое раздражение.

Если проводить аналогии, это было похоже на леопарда, который бесшумно спускается с дерева, шаг за шагом подкрадываясь к намеченной добыче. Хищник уже предвкушает радость удачного броска, как вдруг откуда ни возьмись вылетает чёрная ворона и оглушительно каркает на весь лес. Объект охоты замечает угрозу, и всё удовольствие от засады мгновенно улетучивается.

Раздражение лишь усилилось, когда Ши Цин поднялся и повернулся к нему со своим привычным ледяным выражением лица.

Цзин Юаньци видел эту мину слишком часто. С самой первой их встречи Ши Цин не менял этой маски, выглядя до крайности угрюмым. Весь коллектив знал, что Киноимператор немногословен, но молодому человеку каждый раз казалось, что на его лице крупными буквами написано: «Кто вы такие, жалкие букашки, чтобы я тратил на вас слова?»

Он славился умением видеть людей насквозь. Раньше, глядя на коллегу, он не находил в нём ни единого достоинства. Тот, кого фанаты превозносили как столп индустрии развлечений, на деле казался ему человеком, сотканным из одних лишь изъянов: самонадеянным, мрачным и вечно цепляющимся к нему без всякой на то причины.

Цзин Юаньци пришёл на пробы в этот проект скорее от скуки, желая просто испытать свои силы. Но узнав, что Ши Цин пытается вставлять ему палки в колёса, используя связи, чтобы лишить его роли, юноша твёрдо решил: он получит этого персонажа во что бы то ни стало. Если противник задействует свои ресурсы, чтобы закрыть ему путь, он задействует свои, чтобы пробиться. Упрямство было у него в крови: чем сильнее ему мешали, тем яростнее он стремился к цели, особенно если оппонентом выступал этот невыносимый Киноимператор.

И теперь, вновь встретившись с тем самым высокомерным взглядом, Цзин Юаньци почувствовал, как в нём просыпается азарт.

— Неужели учитель Ши так любит демонический перец?

Лицо бесстрастного мужчины слегка дрогнуло. Юноша заметил, как его брови едва заметно сошлись к переносице — почти неуловимое движение, которое, впрочем, не укрылось от внимательного взора.

Наблюдая за ним, Цзин Юаньци вдруг отметил, что брови собеседника имеют форму изящных полумесяцев. Он вспомнил, как когда-то мельком читал трактат по физиогномике: там говорилось, что люди с такими бровями по природе своей добры, отзывчивы и легки в общении.

Одного взгляда на Ши Цина было достаточно, чтобы понять: всё это — чистейший вымысел. Если Киноимператор когда-нибудь станет «лёгким в общении», то в пустыне Сахара пойдёт кровавый дождь. Разве не он сейчас, после вежливого вопроса, лишь угрюмо сверлит его глазами, даже не соизволив разомкнуть свои губы для ответа?

Возможно, под влиянием подслушанных слов юноше померещилось, будто в этом холодном молчании проскользнула тень смятения. Словно человек втайне обсуждал кого-то за спиной и вдруг осёкся, когда объект разговора возник прямо перед ним.

Цзин Юаньци становилось всё забавнее. Чем старательнее Ши Цин его игнорировал, тем сильнее в нём разгоралось желание донять его. Молодой человек вновь расплылся в своей фирменной солнечной улыбке:

— Я сам не большой любитель острого, но у меня есть приятель, который держит плантацию этого самого перца. Лучший сорт, никакой химии, созревает в естественных условиях. Если учителю Ши нравится, я могу принести вам бутылочку на пробу. Как вы на это смотрите?

В глазах Цзин Юаньци отразилось, как Киноимператор с некоторым интересом приподнял взгляд, но, столкнувшись с его взором, тут же нарочито опустил веки, избегая зрительного контакта.

— М-м, — последовал краткий и холодный ответ.

Аура Ши Цина всегда была тяжёлой и мрачной, и теперь, когда он стоял с бесстрастным лицом, не желая смотреть на собеседника, он казался воплощением крайнего пренебрежения. Будь это раньше, Цзин Юаньци, не раздумывая, ушёл бы, кипя от злости, но сейчас, поддавшись какому-то внутреннему чутью, он видел в этом опущенном взгляде лишь попытку спрятать растерянность.

Жизнь на съёмочной площадке была слишком скучной, и мысль о том, что Ши Цин может

оказаться вовсе не таким, каким кажется, мгновенно пробудила в юноше азарт. Он мысленно усмехнулся и решил намеренно исказить смысл его молчания:

— Учитель Ши, вы так холодны со мной... Неужели вы меня презираете?

Фигура мужчины почти незаметно напряглась. Цзин Юаньци увидел, как длинные пальцы Ши Цина, покоившиеся вдоль бедра, слегка дрогнули и сжались. Он буквально физически ощутил, как эта фраза выбила актёра из колеи.

Тот приоткрыл было губы, словно собираясь что-то объяснить, но тут же вновь сомкнул их, будто само оправдание было для него непосильной задачей. Спустя пару секунд этот красивый и угрюмый человек наконец поднял голову. Нахмурившись, он бросил ледяное:

— Думай что хочешь.

После чего, сохраняя видимое безразличие, развернулся и стремительно зашагал прочь.

Гао Чжи потребовалась секунда, чтобы осознать: босс действительно бросил его и ушёл. Ещё секунда ушла на раздумья — стоит ли извиняться перед Цзин Юаньци вместо него. Несмотря на то что сцена в гримёрной вышла натянутой, сейчас они были на виду у всей съёмочной группы, и доводить конфликт до открытой вражды было неразумно.

Поэтому он быстро протараторил:

— Прошу прощения, учитель Цзин! Ши-гэ неважно себя чувствует, кажется, старая болезнь обострилась. Ему не по себе, вот он и ушёл... Не принимайте близко к сердцу, извините, извините!

Закончив, он развернулся и бросился догонять Ши Цина.

Цзин Юаньци и не думал обижаться.

«Болезнь обострилась?»

Ему это больше напоминало поспешное бегство. Юноша не раз встречал подобных людей: они совершенно не умели объясняться, и когда их в чём-то несправедливо обвиняли, им проще было подтвердить ложные догадки и уйти, предоставив окружающим право думать что угодно.

В его глазах уход Ши Цина выглядел как позорное отступление. Ситуация казалась ему невероятно захватывающей. Об этом актёре в прессе всегда говорили как о высокомерном заносчивом человеке — неужели вся эта дурная слава была лишь следствием его тяжёлого характера?

Только представьте: все принимают Ши Цина за колючий панцирь, обходят стороной и называют бессердечным и пугающим мизантропом. Но на самом деле под этой бронёй — лишь нежная и уязвимая натура, которая в страхе убегает, стоит её чуть задеть. А если её раскроют, она лишь судорожно прикрывается своим колючим щитом, стараясь напустить на себя побольше жути, чтобы отпугнуть незваного гостя.

Интерес Цзин Юаньци к нему разгорелся с новой силой. Казалось бы, человек с таким противоречивым характером должен сидеть тише травы и не наживать врагов. Но ведь он точно знал: Ши Цин использовал свои связи, чтобы вычеркнуть его имя из списков утверждённых актёров.

Прямой вопрос Ши Цин наверняка проигнорирует. Но это не беда: работая в одном проекте и живя в одном отеле, он рано или поздно докопается до истины.

Несмотря на поспешный уход в полдень, ближе к вечеру Ши Цин молча вернулся на площадку. Он, как обычно, с ледяным видом занял своё кресло, наблюдая за процессом съёмок.

В это время в кадре был Цзин Юаньци. Этот молодой господин действительно обладал врождённым талантом: в жизни каждый видел его дерзкий и открытый нрав, но стоило камере включиться, как он мгновенно перевоплощался в мрачного и коварного злодея, в каждом слове которого сквозила зловещая аура.

Остальным сотрудникам казалось, что Киноимператор просто сидит в глубоком молчании, ледяным взглядом оценивая игру новичка.

«Ох уж эти бесконечные ноги...»

«Ц-ц-ц, а эта фигура... Каков типаж. Когда он понижает голос, в нём просыпается истинное зло. Чёрт, я бы слушал это до самого утра»

[Хозяин, кто-то идёт]

Едва прозвучало предупреждение системы, как за спиной Ши Цина раздался ехидный голос:

— Ши-гэ наблюдает очень внимательно. Сяо Цзин и впрямь неплох, вот только интересно, каково это — чувствовать, как «задняя волна набегаёт на переднюю»? Что вы ощущаете, глядя на него?

Ши Цин даже не шелохнулся, сохраняя свою ленивую позу. Лишь когда говоривший обошёл кресло и встал перед ним, Киноимператор извлёк из памяти имя этого человека.

Чжу Аньхэ. Они пришли в компанию в одно время. Для Ши Цина, чей носитель отличался болезненным самолюбием, существовала лишь одна причина, по которой этот собеседник всё ещё оставался в индустрии и до сих пор не был раздавлен.

Он был слишком бездарен. Внешность — неплохая, но в шоу-бизнесе таких пруд пруди. Характер — посредственный, удача — средняя, а актёрское мастерство и вовсе не выдерживало никакой критики. На такого ничтожного конкурента даже жаль было тратить силы.

Согласно оригинальному сюжету, Чжу Аньхэ в этот период сумел охмурить некоего престарелого председателя правления, благодаря чему и прыгнул с самого дна индустрии в этот крупный проект. Но, как часто бывает с выскочками, он быстро возомнил о себе невесть что. Полагая, что покровительство главы развлекательной компании даёт ему право презирать весь мир, Чжу Аньхэ умудрился последовательно нажить себе врагов в лице влиятельного Ши Цина и Цзин Юаньци, который сам был себе покровителем.

В оригинале Киноимператор довёл его до полного краха и позора, после чего ловко свалил вину на юного конкурента. К финалу их противостояния на участь этого выскочки уже никому не было дела — его жизнь была разрушена окончательно.

Сейчас же Чжу Аньхэ всю демонстрировал своё красноречие:

— Поговаривают, что Сяо Цзин попал в этот проект благодаря связям с несколькими богатенькими наследниками... Вы об этом знали, Ши-гэ?

Ши Цин хранил молчание, не сводя глаз с Цзин Юаньци, который как раз закончил сцену. Тот спускался со страховочных тросов и, на ходу снимая верхнюю часть костюма, направлялся в их сторону.

— Впрочем, неудивительно, что вы не в курсе. Ваши лучшие времена давно позади, так что неосведомлённость простительна. Кстати, Ши-гэ, вы ведь в этом году почти не получали предложений? Эту роль вы тоже выбрали через старые связи, верно? Эх, время никого не щадит. Когда-то вы блистали, а теперь даже мне, скромному актёру, в подмётки не годитесь.

— Вот я сейчас просто не нахожу себе места: график забит под завязку, крупнейшие студии борются за моё время. Едва закончу здесь, нужно сразу бежать на соседнюю площадку. Искренне вам завидую, Ши-гэ: такая безмятежность, столько свободного времени...

Ши Цин медленно, почти незаметно моргнул. Его лицо оставалось бесстрастным, не выражая ни единой эмоции.

Зато Цзин Юаньци, подошедший как раз к этой фразе, искренне развеселился. Будни на съёмках были смертельно скучными, и он как раз искал повод развлечься. Что может быть лучше, чем поставить на место очередного идиота?

Глаза юноши лукаво сощурились, и на губах заиграла солнечная улыбка, но слова прозвучали беспощадно:

— Учитель Чжу Аньхэ действительно завидует учителю Ши? У меня тоже есть кое-какие связи среди инвесторов. Может, мне замолвить за вас словечко, чтобы они устроили вам «заслуженный отдых» лет на несколько?

— Замолвить словечко?

Тот наглядно продемонстрировал, что такое профессиональное высокомерие, ответив с едкой усмешкой:

— Скорее уж «нашептать в подушку», а, Сяо Цзин? Старший даст тебе совет: следи за языком и будь осторожнее в высказываниях, не то наживёшь себе проблем, с которыми не справишься.

— Какое совпадение.

Улыбка Цзин Юаньци стала ещё шире:

— Я как раз собирался сказать вам то же самое, учитель.

— Кстати, в следующей сцене по сценарию я должен дать вам пощёчину. Постарайтесь быть осторожнее, не подставляйте лицо под мою тяжёлую руку. А то, не дай бог, щёку раздует — я же себе места не найду от раскаяния, я ведь всего лишь ваш младший коллега.

— Ты!

Чжу Аньхэ прекрасно понял намёк. Сначала он вспыхнул от гнева, но затем гневно усмехнулся, бросая в ответ:

— Ну давай, бей! Попробуй только!

— Клянусь, если моё лицо завтра хоть немного опухнет, ты вылетишь из этой индустрии со свистом!

— Верю, как не верить. Если ради того, чтобы вызвать жалость у своего престарелого любовника, вы сами себя отхлещете по щекам, а потом свалите вину на меня — я и в это поверю.

Юноша беспечно рассмеялся, больше не глядя на разъярённого коллегу, и встал рядом с Ши Цином:

— Учитель Ши, я помню, вы как-то упоминали, что любите собак? И даже хотели завести одну? Так вот, мой вам совет: не берите мелких шавок, особенно вроде той, что перед нами. Чем они меньше и бесполезнее, тем громче лают на каждого встречного.

Этот прозрачный намёк понял бы даже самый последний глупец.

«Как же это жестоко, — обратился Ши Цин к системе. — Он просто немного хамоват, немного неприятен, и от его речей немного тянет тошнить... Зачем же быть с ним столь беспощадным?»

Система, которая до этого изучала кулинарные рецепты и совершенно потеряла нить разговора, поспешно поддакнула:

«Да-да, просто ужас какая жестокость!»

— Хорошо! Ладно!! Цзин Юаньци! Ты у меня ещё попляшешь!!

Чжу Аньхэ, путаясь в полах длинного костюма, в ярости удалился. Цзин Юаньци, воспринимавший его лишь как забавное развлечение, даже не обернулся. Он лишь весело прищурился, обращаясь к Ши Цину:

— Учитель Ши, ну и ангельское же у вас терпение. Он вас так поливал, а вы даже бровью не повели.

— Излишне. Пустая трата времени, — Ши Цин ответил лаконично и добавил: — Не все мелкие собаки такие.

Тема сменилась так резко, что юноша не сразу сообразил, о чём речь. Поняв, что Киноимператор комментирует его пассаж о лающих шавках, он негромко рассмеялся:

— Я сказал это просто чтобы его уязвить. Если вам нравятся маленькие собачки, я беру свои слова назад.

— М-м.

Закончив разговор, Ши Цин вновь устремил взгляд на съёмочную площадку, всем своим видом показывая, что аудиенция окончена.

На самом деле Цзин Юаньци просто изнывал от безделья. Стоило ему представить, что под твёрдой бронёй этого великого человека скрывается нежная натура, как руки сами чесались поддеть эту броню и потыкать в мягкое. Но он понимал, что спешка в таком деле ни к чему. Заметив холодность Киноимператора, юноша лишь пожал плечами, сохраняя свою лучезарную улыбку:

— Что ж, учитель Ши, не смею больше докучать. Продолжайте.

— М-м.

Молодой человек ушёл, а Ши Цин остался сидеть в своём кресле.

Идиллия и покой.

«Системка, ты слышала, что наговорил этот Цзин Юаньци?» — Ши Цин мысленно позвал своего помощника.

Система вновь отвлеклась от рецептов:

«А? Что?»

«Он сравнил Чжу Аньхэ с собакой, да ещё и грозился вlepить ему пощёчину»

«Ой... я пропустила этот момент»

«Какая чудовищная жестокость»

«Точно! Невероятная!»

«Чем провинились бедные пёсики, что их сравнивают с ТАКИМИ людьми?»

Система на мгновение замолкла:

«...Верно! Это просто бесчеловечно!»

«И эта пощёчина... У Цзин Юаньци такие красивые руки. Как у него сердце не болит — использовать их для рукоприкладства?»

Система не совсем понимала связь между красотой рук и пощёчинами, но усердно закивала:

«Именно!»

«Значит, мы должны спасти его руки»

С этими словами Ши Цин неторопливо поднялся и направился в ту сторону, куда ушёл Чжу

Аньхэ.

Минут через пять он обнаружил того в укромном месте между двумя постройками. Выскочка только что закончил телефонный разговор. Киноимператор не стал прятаться и прямо окликнул его:

— Чжу Аньхэ.

Стройная фигура Ши Цина направилась прямо к нему.

«Система, проверь, есть ли поблизости камеры или свидетели»

[Всё чисто, хозяин]

«Прекрасно»

Ши Цин подошёл ближе и одарил озадаченного актёра лёгкой улыбкой. Он почти никогда не улыбался, и теперь на его бледном лице, освещённом солнцем, эта улыбка казалась ослепительной.

Тот сначала растерялся, затем почувствовал укол зависти, но в итоге расплылся в самодовольной ухмылке:

— Что такое? Узнал, что я позвонил председателю Лю и попросил вышвырнуть вас из проекта? Пришёл умолять о пощаде? Я тебе вот что скажу: даже не думай... Эй, ты куда это заходишь?

Киноимператор оказался прямо за его спиной. Он протянул правую руку и аккуратно коснулся нижней части правой щеки Чжу Аньхэ. Тот не успел даже моргнуть.

— Па! — Раздался звонкий звук пощёчины.

На холёной белой щеке артиста мгновенно проступил багровый след ладони. Он застыл в оцепенении. И прежде чем он успел прийти в себя, Ши Цин, оставаясь за его спиной, замахнулся левой рукой.

— Па! — Раздался ещё один звонкий удар.

Теперь и на левой щеке выскочки расцвёл отпечаток пальцев. Закончив экзекуцию, Ши Цин как ни в чём не бывало отступил на шаг и невозмутимо удалился.

Оставшийся на месте мужчина несколько секунд пребывал в ступоре, прежде чем схватиться

за горящее лицо и издать яростный вопль:

— Ши Цин, я твою мать... да я тебя...!!!!

Придя в себя, он тут же бросился в погоню. Но Киноимператор был длинноногим, и хотя шёл он не спеша и с достоинством, он успел вернуться в своё кресло раньше, чем преследователь настиг его.

— Ши Цин!!!

Чжу Аньхэ подлетел к нему, заноса руку для удара, но Гао Чжи, только что вернувшийся с соком, с округлившимися глазами преградил ему путь:

— Вы что творите! Среди бела дня на людей кидаетесь!

— Я кидаюсь?! Да я... я... Да вы посмотрите на моё лицо! На лицо посмотрите!!

Тот от ярости едва выговаривал слова. Он отнял руки от щёк, демонстрируя сбежавшимся на шум сотрудикам стремительно опухающее лицо.

— Ого! Ну и раздуло!

— Прямо отпечатки пальцев видно, все пять штук.

— Учитель Чжу, кто это вас так?

Артист чуть не плакал от боли. Бережно прикрывая лицо, он с ненавистью уставился на мужчину, безмятежно сидящего в кресле:

— Да кто же ещё! Ши Цин! Мы с тобой и врагами-то не были, а ты ни с того ни с сего набросился на меня с кулаками! Ты совсем больной?!

В мгновение ока все взоры устремились на Киноимператора. Под прицелом десятков глаз обычно неразговорчивый актёр лишь слегка нахмурился, и в его облике проступило явное раздражение:

— Не я.

— Ха?! «Не я» — и всё?! Да я своими глазами видел, как ты меня бил!! Клянусь, это тебе так просто не сойдёт. Ты просто лопнул от зависти, глядя на мой успех, да?! Я всё прессе расскажу, пусть твои фанаты увидят, что ты за мразь!!

Цзин Юаньци протиснулся сквозь толпу. Стоило ему войти в круг, как он увидел беснующегося Чжу Аньхэ и напротив него — холодного, раздражённого Ши Цина. Казалось, Киноимператору до смерти надоел этот шум.

— Как хочешь, — ледяным тоном бросил Ши Цин.

Этот его жест — небрежное признание вины лишь ради того, чтобы отвязаться от назойливого собеседника — был юноше слишком хорошо знаком. Сам он ни на йоту не верил, что Ши Цин мог лично кого-то ударить. С его-то характером? Да он бы мараться не стал.

Пострадавший тем временем продолжал вопить:

— Слышали?! Он признался! Сам Киноимператор меня избил! Ши Цин, готовься, я этот скандал до небес раздую...

Шумный голос Чжу Аньхэ вызывал у Цзин Юаньци лишь раздражение. Ему до смерти захотелось вlepить наглeцу ещё с десяток пощёчин по его опухшей физиономии, только бы тот замолчал. Он быстро окинул взглядом обе щеки выскочки, усмехнулся и сделал шаг вперёд:

— Вы утверждаете, что учитель Ши дал вам две пощёчины? Тогда как вы объясните эти отпечатки на вашем лице?

— При чём тут отпечатки! Цзин Юаньци, не пудри мозги, ты с ним заодно!

На лице молодого человека, обычно сияющем улыбкой, проступило неприкрытое презрение. Он бесцеремонно вытянул из толпы Гао Чжи, который преданно охранял своего босса. Поставив его перед собой, юноша приложил свою правую ладонь к его левой щеке, не касаясь кожи:

— Если бы вас бил кто-то другой, то отпечаток большого пальца на щеке был бы направлен наружу, к уху. А теперь посмотрите на свои щёки: большие пальцы смотрят внутрь, к носу. Такое возможно только в одном случае — если вы сами себя отхлестали по лицу. Гао, как там тебя... продемонстрируй.

— А, да, сейчас.

Гао Чжи осторожно приложил свою правую руку к своему лицу. Большой палец действительно оказался направлен к носу.

Цзин Юаньци обернулся к толпе:

— Видите? Человек сам себя избил, а теперь пытается подставить учителя Ши. Вы что, всех

вокруг за идиотов держите?

Чжу Аньхэ лишился дара речи.

— Я... да я тебя...!!!! Он зашёл мне за спину и ударил! Сзади, понимаешь ты?!

— Пф-ф, — Цзин Юаньци скрестил руки на груди, издав издевательский смешок. — Кто в здравом уме будет обходить жертву со спины, чтобы дать пощёчину? Учитель Чжу Аньхэ, я знаю, что у вас вышел спор с учителем Ши. Я даже в шутку советовал вам: если хотите вызвать жалость у своего покровителя, проще самому себя ударить. Не думал, что вы так быстро перейдёте к действиям.

— Вот только я предлагал вам подставить меня. Что, побоялись, что я вас быстро раскушу, и решили выбрать молчаливого учителя Ши?

— Я! Ты! Да вы оба!..

Тот задыхался от боли в лице и от того, что его загнали в угол. Спустя минуту он выдавил из себя лишь жалкое:

— Вы заодно!! Вы сговорились, чтобы меня подставить!

Тон Цзин Юаньци сочился неприкрытым сарказмом:

— Ну конечно, мы в сговоре. Учитель Ши специально заходит вам за спину, даёт две пощёчины, а я потом выхожу и доказываю, что по направлению пальцев это дело ваших собственных рук. Учитель Чжу Аньхэ, вам не кажется, что это уровень детского сада? Вы взрослый человек, а не школьник. Не пора ли начать мыслить хоть немного логично?

— Мы все здесь работаем в одной индустрии. Мы — не вы, учитель Чжу, мы не бегаем каждый день сплетничать и не ищем защиты у спонсоров, когда не можем ответить в споре. Но даже если вы решили опуститься до такой низости, могли бы хоть улики подготовить получше. Самобичевание — это уже слишком. Если бы вы ради подставы учителя Ши попросили кого-нибудь ударить вас в лицо, ему бы и впрямь было не отмыться. А так... Такой взрослый человек, а даже подставить никого толком не умеет. Вам не стыдно?

— Вы... вы двое!

От позора и ярости Чжу Аньхэ был готов харкать кровью. Он переводил взгляд с Цзин Юаньци на Ши Цина, который по-прежнему хранил ледяное спокойствие, будто всё происходящее его совершенно не касалось. Артиста затрясло от бешенства.

— Я... вы!.. Да я вас порешу!!!

Заметив, что он окончательно сорвался и готов броситься в драку, сотрудники съёмочной группы поспешили вмешаться. Его схватили за руки и за плечи, пытаясь удержать.

— Учитель Чжу, учитель Чжу, успокойтесь!

— Держите его!!! Скорее, держите крепче!!!

— Учитель Чжу, может, вам всё-таки к врачу сходить...

Видя, что скандалиста скрутили, Цзин Юаньци разочарованно усмехнулся. Столь низкий интеллект и полная несдержанность — на споры с ним было жалко тратить даже слюну. Он просто развернулся и подошёл к Ши Цину.

— Учитель Ши, вы как? Не сильно испугались?

Угрюмый Киноимператор остался верен себе: даже когда на него пытались повесить такое обвинение, он сохранял невозмутимость и был немногословен. Глядя на него, юноша в очередной раз убедился — он совершенно не знал этого человека.

[Динь! Степень отторжения Цзин Юаньци: 97/100]

Ши Цин слегка опустил веки. Голос его прозвучал холодно, без малейшего намёка на благодарность за спасение:

— Нет.

Цзин Юаньци ничуть не задело его безразличие. Напротив, он улыбнулся ещё шире:

— Вот и славно.

— В наше время развелось слишком много психов, которые несут что в голову взбредёт. Он всерьёз думает, что мы в сговоре... Потрясающая глупость.

За их спинами Чжу Аньхэ, которого мёртвой хваткой держали несколько человек, отчаянно пытался вырваться, оглашая площадку истошными воплями:

— Цзин Юаньци!! Ты помогаешь этому гаду меня оклеветать! Я тебе этого не прощу!

Его крики перемежались голосами персонала:

— Учитель Чжу, учитель Чжу, возьмите себя в руки! Мы отведём вас к доктору, хорошо?

— Держите его, держите! Учитель, не дёргайтесь, вы же себе только хуже сделаете! Идёмте к врачу, идёмте.

Тот не желал подчиняться. У сотрудников не осталось выбора — они буквально подняли его на руки и потащили прочь. Как бы он ни извивался, вырваться не удавалось. Ему оставалось лишь биться в руках персонала и кричать во всё горло:

— Отпустите меня!! Вас всех обманули!! Они заодно!! Отпустите!!

— Верьте мне!! Верьте!! Почему вы мне не верите, а-а-а-а!!!

— Это Ши Цин меня ударил!!! Это был он!!!

Цзин Юаньци бросил через плечо короткий взгляд:

— Надо же, какая завидная настойчивость во лжи. Редко такое встретишь.

— Поистине, мир полон удивительных вещей.

<http://bllate.org/book/15834/1435513>